

Петров Николай Аркадьевич

канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный

университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

**ОРГАНИЗАЦИЯ ОПЕКИ У ЧУВАШЕЙ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ
ПО НОРМАМ ОБЫЧНОГО ПРАВА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

***Аннотация:** опека как форма устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, берет свое начало в глубокой древности и функционировала она долгое время по нормам обычного права. В данной работе рассматривается организация опеки у чувашей Казанской губернии по нормам обычного права во второй половине XIX – начале XX вв.*

***Ключевые слова:** чувашки, обычное право, организация опеки, эволюция и итоги.*

В пореформенной деревне существенное значение сохранили нормы обычного права в такой области имущественных отношений крестьян как опека. Так, в словаре С.И. Ожегова под опекой понимается наблюдение за недееспособными лицами (малолетними, душевнобольными и т. п.) и попечение об их воспитании, правах [1, с. 599]. Опека над осиротевшими детьми и слабыми хозяйствами носила традиционный характер. Сиротами в народе называют детей, не имеющих одного или обоих родителей. Об этом свидетельствуют чувашские пословицы: «Ребенок без отца – полусирота, без матери – круглый сирота»; «Отец умер – полусирота, мать умерла – совсем сирота» [2, с. 146]. В пословицах русского народа о сиротах говорится следующее: «Без отца – полусироты, а без матери – и вся сирота» [2, с. 146].

Ребенка, оставшегося без родителей, ожидала незавидная судьба. Об этом свидетельствуют пословицы чувашей, русских и татар: «Сиротой жить, слезы лить», «У сироты живот большой», «У сироты руки долги», «Сиротинка-ягненок

пригодится на тулуп, сирота-паренёк – в солдаты», «Сироте и белую рубашку надеть – праздник», «Из птиц самая пестрая кукушка, а среди людей сирота самый горемычный человек», «Сирая скотина стала вожаком гурта, сирое дитя – главой селения», «Когда у Ивашки белая рубашка, тогда у Ивашки и праздник», «Тогда для сироты пасха, когда белая рубаха», «Праздник сирот тогда, когда они надевают новую рубаху» [2, с. 18–19].

У государственных крестьян опека была нормирована по официальному законодательству специальным положением 1857 года. В «Общем положении о крестьянах» 1861 года, наряду с законодательным закреплением за миром традиционного права внутридеревенского распоряжения землей и функций хозяйственного регулирования общинным хозяйством, говорилось, что попечение о личности и имуществе малолетних сирот возлагается на сельские общества, а «в назначении опекунов и попечителей, в проверке их действий и во всех всего рода делах крестьяне руководствуются местными своими обычаями» [4, с. 100–101].

Вопросы, связанные с назначением опеки над осиротевшими детьми, подвергались правовому урегулированию, прежде всего, по обычаям, действовавшим внутри крестьянских семей, тем более больших по численности и родственно – поколенной структуре. Обычай должен был нормировать возраст совершеннолетия и все ограничения прав, связанных с опекой. Так, у чувашей в конце XIX – начале XX вв. опека обыкновенно прекращалась в 21 год, с этого возраста опекаемый считался совершеннолетним [3, с. 122].

По чувашским обычаям, опека над имуществом малолетних сирот назначалась миром в случае смерти одного или обоих родителей и «даже при живой матери» [7, с. 48]. После смерти одного из родителей опека над детьми возлагалась на оставшегося в живых. В приговорах сельских обществ об учреждении опеки фиксировались постановления с учетом определенных обстоятельств. Если дети теряли своих родителей, учреждалась естественная опека со стороны их родственников.

Если родственники по каким-либо обстоятельствам (нездоровью, старости, материальном затруднении и пр.) отказывались от возложения на них забот над

сиротами или родственников вообще не было, община обязывала наиболее благонадежных крестьян взять заботу по воспитанию и сохранению имущества осиротевших. В опекуны в этом случае могли быть назначены крестьяне, которые были известны своей честностью. Сельский сход при избрании и назначении опекуна обращал особенное внимание на то, чтобы «избранник отличался всеми известною добросовестностью и был человеком, если не богатым, то, по крайней мере, состоятельным». Все это делалось ради того, чтобы «добросовестность удерживала его от хищения, а богатство личное делало бы такое хищение не нужным и лишним» [5, с. 197]. При назначении опекуна он «выбирался тем обществом, к которому принадлежал умерший» [7, с. 49–50].

В случае ранней смерти отца мать считалась естественной опекуной своих детей, но без атрибутов отцовской власти. Поэтому сход решал вопрос об опекунстве в пользу матери, если в права последней и её детей вмешивались родственники или посторонние лица. При этом ей «из имущества, которого произведена опись, ничего не давалось, а могла только пользоваться долей имущества того из наследников, которого она брала к себе» [7, с. 51] при повторном выходе её замуж, в особенности в другую деревню.

Ежегодно сельский сход рассматривал в порядке надзора дела по установленной ранее опеке. Ограждая интересы сирот, общество наблюдало за тем, чтобы усадебный надел находился в пользовании сирот и их опекуна. Констатируя, что в действиях опекуна по распоряжению имуществом и хозяйством малолетних наследников никаких злоупотреблений и растрат или каких-либо неправильных действий в течение отчетного времени не обнаружилось, сход с общего согласия принимал постановление: действия опекуна/опекунши признать правильными, в чём и подписывались.

От негласного правила родственной помощи опекуны не могли отказываться, какой бы тяжелой и обременительной она ни была для них. Опекуны должны были одевать, обувать, кормить, исполнять повинности и заботиться о сиротах, как о своих собственных детях. На обязанности опекунов также лежали

забота о здоровье детей, их воспитании и обучении. Кроме того, они брали на себя ответственность о сиротском хозяйстве.

Нормы обычного права определяли известное отношение опекуна к личности и имуществу опекаемого. Деятельность опекунов не могла быть подчинена какому-либо формальному контролю, так как регламентировалась условиями крестьянского хозяйства. По традиции, никакого вознаграждения за труды им не полагалось, это считалось обычным делом. Но они имели право пользоваться душевым наделом сирот за известную плату, а остальные деньги клали в кассу.

В последней четверти XIX в. в практику опеки над малолетними детьми (особенно девочками) под воздействием государственного законодательства вошло в обыкновение по приговору сельского схода продавать движимое и недвижимое имущество опекаемых, а вырученные деньги отдавать в сберегательную кассу под проценты. Сельский сход принимал решения о продаже имущества малолетних сирот во избежание его прихода со временем в негодность. Иногда часть имущества или домашнего скота опекаемых шла на продажу, для удовлетворения нужд опекаемых. Проценты с вложенного в сберегательную кассу капитала шли на содержание сирот. Этими деньгами опекуны могли распоряжаться только в интересах опекаемых и только по приговору сельского схода, утвержденного земским начальником [3, с. 101].

Усадебная земля оставалась наследственной собственностью малолетних сирот. Земельные наделы могли поступать или в распоряжение опекуна, или в случае его отказа (преклонный возраст, нехватка средств платить за надел и т. п.) в распоряжение общества. Земельный надел сохранялся за наследниками в любом случае: проживали ли они в общине или вне её (в других общинах у родственников, на усыновлении и т. д.). Опекуны считались полным распорядителями земельных наделов своих опекаемых. Они обрабатывали их сами или отдавали в аренду по договорам.

По достижении опекаемыми гражданского совершеннолетия община освобождала себя от обязательств по их призрению, хотя по мере надобности могла контролировать раздел наследуемого имущества, выступать арбитром в спорных

вопросах. При этом и опекун снимал с себя обязанности опекуна и предоставлял окончательный отчет о своей деятельности по отношению к опекаемым. Несмотря на назначение опекунами толковых людей мира, опека открывала широкие возможности для злоупотреблений. Некоторые опекуны ухитрялись нагреть руки с сиротского добра, да притом так устраивали дело, что поймать их на мошенничестве было невозможно. Владея земельным наделом сирот, опекуны получали определенную выгоду, хотя, по существу, не занимались судьбой опекаемых и надзором за его имуществом, а сами при этом нередко использовались на тяжелых работах.

Опекун при производстве опеки и оценки имущества умершего принимал всевозможные меры к тому, чтобы общество не всё имущество внесло в опись и оценило его дешевле действительной стоимости. Это делалось с целью, чтобы вещь, не внесенная в опись, можно было или употребить в свою пользу, в случае растраты имущества опекаемых уплатить им меньше той суммы, какую он выручил от продажи имущества последних. Особенно много было таких опекунов у детей богатых родителей. При выявлении таких фактов дела передавались в волостное правление. «Опекун, – писал исследователь юридического быта чувашей В.К. Магницкий, – официально назначается, но свою деятельность проявляет тем, что владеет земельным наделом, а малолетние живут или у кого-нибудь из родственников, или одножителей ради рабочих рук. Имущество сирот, если оно осталось у них после родителей, или поступает к тем лицам, у кого они живут, или растаскивается бесследно» [6, с. 64–65].

С развитием товарно-денежных отношений опека над сиротами становилось далеко не такой бескорыстной, как это могло показаться на первый взгляд. Определённая часть общинников, прежде всего зажиточная верхушка, начала использовать их в своих целях. В среде опекаемых начали появляться нищие. В целом в конце XIX – начале XX в. наблюдается усиление контроля за практикой решений крестьянских обществ по опеке со стороны местной и губернской администрации и уменьшение роли сельского схода и, в конечном счете, обычного

права. Все имущественные сделки, касающиеся продажи недвижимости опекаемых (дома, овины, мельницы и пр.), могли совершаться только по предъявлению земского начальника и только с разрешения губернского присутствия.

Таким образом, в пореформенной деревне опека являлась важной формой имущественных отношений крестьян и выступала гарантом хозяйственной поддержки в поземельной общине.

Список литературы

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 60000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2007. – 1328 с.
2. Романов Н.Р. Чувашские пословицы, поговорки и загадки / Н.Р. Романов. – Чебоксары, 2004. – 349 с.
3. Денисова Н.П. Семья в обычном праве чувашей // Вопросы материальной и духовной культуры чувашского народа. Н.П. Денисова. – Чебоксары, 1986. – С. 112–144.
4. Кузнецов С.В. Обычное право в русской деревне и государственное законодательство во второй половине XIX в. // Этнографическое обозрение. – 1999. – №5. – С. 97–108.
5. Майнов В.Н. Очерк юридического быта мордвы / В.Н. Майнов. – Саранск, 2007. – 296 с.
6. Петров Н.А. Регулирование семейно-брачных отношений у чувашей по нормам обычного права во второй половине XIX – в начале XX вв. / Н.А. Петров // Семья в России. – 2001. – №1. – С. 60–72.
7. НА ЧГИГН. Фонд Н.В. Никольского. – Т. 184.